

ЖЮЛЬ ЛАФОРГЪ.

Какъ это ни странно, но имя Жюля Лафорга въ Россіи звучитъ почти впервые. Въ спискахъ переводовъ мы видимъ рядомъ съ Бодлеромъ, Верленомъ, Матерлинкомъ—Вьелэ-Гриффэна, Рене-Гиля, даже Жамма, не говоря уже о Пьерѣ Луисѣ, Ренье, Гурмонѣ, Батайѣ—и только Лафоргъ позорно забытъ. Его слава, его стихи, даже его имя не перебрались черезъ таможенную нашу оцѣнку. 27-лѣтній поэтъ, творчеству котораго посвятили отдѣльныя статьи Матерлинкъ, Гюставъ Канъ, Моклеръ—не внесъ въ списки нашей памяти. Статья Ковевского, два—три стихотворенія въ переводѣ Брюсова, случайный отрывокъ, переведенный Кузминнымъ—вотъ и все, что имѣется въ русской литературѣ объ этомъ французскомъ Гейне. Привычка русскихъ опаздывать сказалась и на нашемъ отношеніи къ памяти сумбурно-остраго Лафорга. 54 года прошло со дня его рожденія, миновало 25 лѣтъ съ момента его смерти—и все то же недоумѣніе на лицахъ, когда произнесено имя зоркаго поэта-неудачника.

Біографія Лафорга не сложна и не особенно интересна. Въ ней нѣтъ чудесныхъ таинственностей, роковыхъ встрѣчъ, словомъ, всего того, что сразу привлекаетъ вниманіе госпожи толпы къ человеку. Для насъ 27 лѣтъ его жизни кажутся почти секундой, но какимъ изнуряющимъ тысячелѣтіемъ были они для поэта!

Бретонецъ по происхожденію, онъ родился въ Монтевидео, въ августѣ 1860 года. Тамъ же онъ прошелъ курсъ городской школы. Въ 1876 году онъ вмѣстѣ со всей семьей пере-

ѣхалъ въ Парижъ. Въ Парижѣ Лафоргъ поступилъ въ лицей Кондорсэ (тогда Фонтана) и черезъ три года окончилъ его вмѣстѣ съ Гюставомъ Каномъ. Скоро родные покинули столицу, и юноша остался одинъ. Работой въ «*La vie moderne*», «*L'art et la mode*», «*La guêpe*» (стихи, рисунки, отчеты), занятіями въ библиотекѣ Шарля Эфруси, директора «*Gazette des Beaux-Arts*» — Лафоргъ добывалъ средства къ существованію. Позднѣе, черезъ Бурже, онъ сталъ чтецомъ у императрицы Августы. Приходится удивляться, какъ Лафоргъ сумѣлъ рѣзко разграничить занятія поэзіей и вынужденныя работы. Нигдѣ, ни въ одну книгу не попалъ пискъ случайнаго, отзывкъ журнализма, слизъ злобы дня. Въ Берлинѣ поэтъ познакомился съ miss Leah Lee. Въ 1886 году Лафоргъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ состоялась его свадьба съ Leah Lee. Вернувшись въ Парижъ, Лафоргъ принужденъ былъ работать еще больше и уже больной — появились симптомы чахотки — трудился до изнеможенія. Вѣроятно, эта усиленная работа ускорила побѣдную атаку туберкулеза, и доктора рекомендовали больному ѣхать на югъ. Друзья достали денегъ на поездку въ Алжиръ, но она не состоялась: въ августѣ 1887 года Лафоргъ скончался; меньше, чѣмъ черезъ годъ, отъ той же болѣзни умерла жена Лафорга.

Биографія коротка, но какъ она соответствуетъ поэзіи Лафорга: въ наименьшее время — наибольшее напряженіе.

Первые поэтическіе опыты Лафорга относятся еще къ тому періоду его жизни, когда поэтъ сидѣлъ на школьной скамьѣ въ Монтевидео. Лицей и знакомство съ Бурже усилили страсть. Впрочемъ, все, созданное имъ, было напечатано въ три послѣдніе года и послѣ его смерти. Намѣреніе издать и подготовка книги были уже въ досвадебный парижскій періодъ.

Литературное наслѣдство Лафорга не велико: три прозаическія книги и одинъ томъ стиховъ, разбитый на 6 отдѣловъ. Но мы уже на примѣрѣ Тютчева знаемъ, что очень часто «книжка небольшая томовъ премногихъ тяжелѣй».

Поэтъ города съ его достоинствами и недостатками, съ его быстротой и тоской, Лафоргъ превратилъ весь міръ въ «исторію слизистой оболочки». Кажется, что поэтъ говорилъ о себѣ, вложивъ въ уста женщины строки:

«О, эти ночи на крышѣ шаткой!

Я кончу тѣмъ, что схвачу лихорадку».

Для приверженца точныхъ наукъ, толкующаго все съ точки зрѣнія положительныхъ знаній, такъ же, какъ и для жонглера мистическими откровеніями—крыша самый удобный пунктъ для наблюденій и фокусовъ. Весь облитый желтоватой влагой изъ «луннаго мочевого пузыря», не обращая вниманія на «конфетныя облака», Лафоргъ наблюдаетъ бессмысленные обряды, тупые и торжественные церемоніалы. Онъ наблюдаетъ лихорадочно, вытягиваетъ шею, и бываютъ минуты, когда душа свисаетъ съ крыши небоскреба надъ улицей и хилое тѣло съ трудомъ балансируетъ. Пронзительно кричитъ Лафоргъ о всемъ новомъ (старое онъ умѣетъ удачно не замѣчать). Истерически всплескиваетъ онъ фразами и тяжелыя, но мѣткія опредѣленія вылетаютъ изъ его души. Разъ навсегда понявъ, что дать вещи ея настоящее имя, а не тотъ шансонетный псевдонимъ, подъ которымъ она канканируетъ на открытой сценѣ земного сада, значитъ выявить міру въ щедромъ подаркѣ эту вещь—Лафоргъ всѣми своими выстрѣлами попадаетъ въ цѣль. За поэтомъ, ободряя его вѣстью о скорой кончинѣ, стоитъ жестикулирующій туберкулезъ.

Въ самомъ дѣлѣ тоскливо въ городѣ потерявшемся. Въ пустынь одинокій не видитъ никого, но въ городѣ этотъ Танталъ протягиваетъ слова ко всѣмъ душамъ, а онѣ отступаютъ. И городъ не оставляетъ въ покоѣ ни одного угла жизни, онъ «подчиняетъ сильныхъ, а слабыхъ заставляетъ кружиться въ танцѣ, въ бѣшеномъ танцѣ». Въ одинокую комнату вползаетъ звонъ колоколовъ, словно раскрашивающій минутную тишину

звуками. Впрыгиваетъ пошлость фортепьянныхъ полекъ, вперемежку съ Ave Maria. Поэтъ выглядываетъ изъ окна и видитъ, что по улицамъ ходятъ не люди, а манекены, набитые соломой. Они крутятся, разворачиваются, начинка выползаетъ наружу, какъ у лошадей, раненыхъ во время боя быковъ. И всѣ эти манекены совершенно одинаковы. Вся разница въ томъ, что одного зовутъ А, другого Б. Новый актъ разыгрывается передъ зрителемъ-поэтомъ. Господинъ и дама подъ «совершенно голымъ небомъ» гдѣ-то въ мірѣ въ ночной сатурналіи; въ отчаяніи, въ тоскѣ. Что дѣлать? Но хоръ, символизирующій человечество, начинаетъ ихъ ободрять, объясняя постепенно, для чего созданы два пола. Манекены начинаютъ понимать и, судя по взрывамъ негодованія хора, продѣлываютъ какія-то фривольныя тѣлодвиженія. И въ послѣдній моментъ, когда цѣль уяснена и осталось только продолжить объятія — все вокругъ безмолвствуетъ. Но какое роковое безмолвіе: это не народъ безмолвствуетъ, это весь міръ молчитъ. Толкнувши парочку на постель для всей остроты утонченныхъ наслажденій—«безсмертная пошлость» однимъ глазомъ подсматриваетъ, затаивъ дыханіе, другой отвращаетъ; однимъ кончикомъ губъ вопить о безнравственности, другимъ безстыдно хохочетъ. Смѣшная, глупая комедія!

Развѣ не дьявольски весело смотрѣть на этотъ міровой фарсъ? Какъ тутъ не улыбнуться, забывъ тоску! И Лафоргъ начинаетъ смѣяться. Полумертвый отъ боли одиночества, ничинный отъ страданія, онъ не можетъ расхохотаться, но еле уловимая улыбка, сознаніе своего превосходства, улыбка горькой ироніи, право, болѣе ужасная, чѣмъ бутафорія Байрона, улыбка конца изламываетъ губы поэта. И онъ уже не можетъ сдѣлаться совѣмъ строгимъ, совѣмъ серьезнымъ. Съ улыбкой онъ провозглашаетъ свой первый и послѣдній тезисъ: Исторія человечества—это исторія одного холостяка. Доказывать это онъ не собирается: все равно вы не опровергнете его тона! Но развѣ можно не улыбнуться? Развѣ можно не сдѣлаться флюгеромъ

своего настроенія, подобнаго вѣтерку съ Ламанша, нагоняющаго тучи и портящаго послѣдній праздник! Смѣйтесь, смѣйтесь и вы всѣ! Все въ мірѣ исторія слизистой оболочки. Солнце? Но вѣдь это печь, въ которой плавятся яды! Лѣсъ — но вѣдь это комната, гдѣ «съ начала свѣта не бываетъ свѣта», гдѣ можно отлично провести время двумъ молодымъ людямъ: ему и ей. Кто она? Развѣ это не все равно? Она не сумѣетъ отличить меня отъ всякаго другого (гдѣ ужъ помнитъ буквы алфавита — наши имена)?! Да и сама она — не эхо ли сотни одинаковыхъ женщинъ....

Среди этого сумбура, въ тоскѣ уличныхъ фонарей или на верху дилижанса скорбитъ душа Лафорга. О чемъ? Да обо всемъ. Его тоска — для тоски. Онъ тоскуетъ потому, что онъ тоскуетъ. Впрочемъ, онъ сталъ бы тосковать и потому, что онъ не тоскуетъ. Нарывъ, злокачественный нарывъ полонъ горечи. Своей ироніей, какъ медицинскимъ ланцетомъ, Лафоргъ вскрываетъ его и гнойная, но очаровательная (вѣроятно, это одно и то же) струя брызжетъ. Но, какъ бы она ни выливалась, процессъ воспаленія идетъ, бѣжитъ, мчится съ одинаковой быстротой и нарывъ вѣчно полонъ. Шесть отдѣловъ книги — только лишнее доказательство того, какъ безжалостно рѣзалъ поэтъ свою душу.

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы причислить Лафорга къ лику «Незабываемыхъ». Но Лафоргъ былъ въ поэзіи истинный дэнди. Ему мало было такъ, для каприза, разрѣзать себя самого на тысячи частей, онъ рѣзалъ себя передъ зеркаломъ своего собственного суда. Особенно изящные инструменты только гармонировали съ безпечною позы. Онъ съ усмѣшкой глядѣлъ на все окружающее, на все то, что лучше всего назвать съ Лафорговской точки зрѣнія «putzig» ¹⁾. Онъ не могъ, а можетъ не хотѣлъ, удалить этихъ окружающихъ, спѣтъ имъ «grand-pardon» и пинкомъ выставить за дверь. Тогда утон-

¹⁾ Смотри статью Коневского о Лафоргѣ.

ченно, какъ развратникъ, пассивный *voueur*, онъ выставилъ себя напоказъ толпѣ. Ядъ, гной, вытекавшій изъ нарыва, онъ собиралъ въ граненные флаконы, наклеивалъ ярлычки и только тогда показывалъ зѣвакамъ.

Долгое время стихъ не давался Лафоргу. Я разумѣю здѣсь стихъ не въ смыслѣ стихосложенія, а въ смыслѣ стиха своего, ему одному свойственнаго. Но для упорнаго мастера нѣтъ непокорнаго мрамора. Въ «*Derniers vers*» онъ достигаетъ совершенства. Если прежде его пьесы были то слишкомъ растянуты и не подчинены общему началу, то, наоборотъ, сжаты до той степени, когда остается кофейная гуща и почти немислимо угадать пропуски — въ «Цвѣтахъ усердія» поэтъ вполнѣ освобождается отъ всѣхъ своихъ недостатковъ. Правильные размѣры исчезаютъ совсѣмъ, но странное дѣло: свободный стихъ звучитъ строго, почти какъ сонетъ; короткія и длинныя строки составляютъ готическій узоръ, не утрачивая однако своей индивидуальности и граціозности. Каждое стихотвореніе подчинено основному началу. Капризный поэтъ во главѣ стиха поставилъ именно безначалье, сумбуръ, мнимокакофонію. Французскій стихъ пѣвучъ по своей природѣ. Въ самыхъ бездарныхъ трафаретахъ, гдѣ по-русски мы бы имѣли «расхлябанныя колени» проселочной дороги, французскій стихъ гладокъ, какъ асфальтированный проспектъ. Но тѣмъ большая опасность поскользнуться возникаетъ для поэта. Лафоргъ гордо и чуть-чуть демонстративно отвергъ эту глазированную поверхность торта. Онъ взломалъ стихъ, скомбинировавъ его по-своему. Стиль Лафорга — это разноразличія строки, безъ правильной чередовки, съ неожиданно полными риемами, гдѣ *consonne d'appui* звучитъ сквозь стѣну 5—6 строкъ. Внутренній ритмъ образовать — вотъ тросточка акробата. Стихи исчерчены внутренними созвучіями:

Comme un Ariel;
Sans miel, sans fiel, ma belle âme danse.

или

Ah! La terre humanitaire
N'en est pas moins terre-à-terre
Au contraire.

Но самая полная рѣма не удовлетворяетъ поэта и онъ переходитъ сначала къ ассонансу:

«O! Les beaux arbres
En candelabre!»

только для того, чтобы поэма рѣмовать «cherche-demarche» и написать даже цѣлую пьесу на диссонансахъ. «Cornemuse, merprise, mauvaise, épouse, extase, chose, oiseuse.

Мнѣ кажется, что смыслъ и духъ творчества этого такъ рано скончавшагося генія лучше всего выраженъ въ слѣдующихъ словахъ Матерлинка: «Лафоргъ умѣлъ видѣть вещи не такъ, какъ другіе; а видѣть не такъ, какъ другіе—значитъ видѣть нѣсколько лучше. Основную черту творчества Лафорга я бы назвалъ: улыбкой души».

Въ одной своей пьесѣ Лафоргъ пишетъ:

Въ альбомѣ аломъ,
Среди листовъ,
Увяла
Незабудка съ острововъ.
Жонглеръ въ злой шуткѣ,
Съ издѣвкой, поетъ
Про незабудку
И весь эпизодъ.
Она, умирая:
— А реквиѣмъ?
— Его, дорогая,
Не будетъ совѣмъ!

Не приняли ли мы горечь этого автопророчества за желаніе или приказъ? Чѣмъ другимъ можно объяснить наше продолжительное незнакомство съ творчествомъ Жюля Лафорга? Мы почему-то упорно не можемъ или не хотимъ проникнуть въ единственную въ своемъ родѣ красоту его поэзіи. Единственнымъ недостаткомъ поэта является то, что онъ умеръ слишкомъ рано, слишкомъ рано состарившись. Его геній угрожалъ ореолу многихъ, кого толпа признала за метровъ, и случай—этотъ рабъ толпы—умертвилъ поэта. Но развѣ мы не сильнѣе смерти, которая не больше, чѣмъ прихотливый жестъ судьбы! И развѣ не можетъ наша память разрыть могилу, взломать гробъ, и вынуть прахъ Лафорга для преклоненія? Право, трупъ былъ слишкомъ хорошо забальзамированъ и сохранился во всей своей красотѣ.

Вадимъ Шершеневичъ.

ИЗЪ ОТДѢЛА «LE SANGLOT DE LA TERRE».

